

Татьяна Алюшина

Дом, где исполняются
мечты

Татьяна Алюшина

Дом, где исполняются мечты

«ЭКСМО»

2011

Алюшина Т. А.

Дом, где исполняются мечты / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-51095-5

Семейная жизнь Игната не удалась. Он, некогда страстно любивший свою жену, а теперь испытывающий к ней лишь глухое раздражение, с головой ушел в работу и даже в мыслях не допускал возможности нового чувства. Но однажды дорога привела его на порог странного дома. В нем удивляло все: и огромные пространства и, самое главное, его жильцы. Среди них и небольшой, но очень умный кабанчик Степан Иванович, и бабушка Анфиса, настоящая аристократка, словно в карете, мчащаяся по гулким коридорам в инвалидном кресле. И, самое главное, – Инга. Невысокая, хрупкая и удивительно нежная, при взгляде на которую у Игната замирает сердце. Но возможна ли между ними любовь, тем более сейчас, когда перед Игнатом встали проблемы, требующие немедленного разрешения.

ISBN 978-5-699-51095-5

© Алюшина Т. А., 2011

© Эксмо, 2011

Татьяна Александровна Алюшина

Дом, где исполняются мечты

– Эй, пассажир! – позвал громко водитель такси, посмотрев на него в зеркало заднего обзора.

– Я не сплю, – заверил Игнат, сел ровно, потер сильно ладонями лицо, пытаюсь содрать корку усталости, сковавшую мышцы, и распорядился: – Включите свет.

Его разморило как-то сразу, как только он устроился на заднем сиденье и откинул голову на подголовник. От тепла в салоне, мерного движения машины накатила дремота, и пришлось прикладывать усилия, чтобы не заснуть окончательно и контролировать ситуацию, ну, не ситуацию в целом, а хотя бы где и как они едут.

Стрельцов достал из портфеля записную книжку, нашел нужную страничку, прочитал адрес, наклонившись влево, к соседнему сиденью, посмотрел в окно, сверяя написанное со светящейся табличкой на углу дома, – все верно.

Расплатившись с таксистом, вытащил свое уставшее тело из машины, мимолетно поймав себя на том, что постанывает, как старик. Повесил ноутбук на плечо и, находясь в прострации, нечто вроде защитной реакции организма на переутомление, чуть было в салоне портфель не оставил, вспомнил о нем, когда дверцу закрывал, и увидел его, позабытый, на сиденье.

Подмораживало так, по-хорошему.

Его пробрало. Хоть Игнат довольно тепло был одет, но далеко не для пешеходов прогулок по морозцу. Вообще-то хорошо, в голове от холода немного просветлело, он даже шапку снял, бодрости поднабрать.

Стрельцов поднес руку к домофону, но тут, неприятно, пронзительно запищав предупреждающим об отпирании сигналом, открылась подъездная дверь, выпуская парня с девушкой.

– Здравствуйте, – кивнула девушка.

– Здравствуйте, – пожелал того же в ответ Игнат.

Парень обмен любезным здорованием не поддержал, осмотрев внимательным, несколько настороженным взглядом незнакомца с ног до головы. По всей видимости, результатом осмотра и оценкой стоимости его вещевой упаковки остался удовлетворен, поскольку сделал шаг в сторону, пропуская Игната в подъезд.

Оно и понятно, народ нынче в Москве пуганый и поэтому бдительный – мало ли кого принесло ночью темной в их дом. О том, что любой проходимец и преступник может выглядеть очень даже респектабельно и богато, мальчонке, похоже, никто не объяснил.

Да как бы и бог с ним.

Поднявшись по лестнице на третий этаж не снабженного лифтом старинного дома, Игнат помедлил перед нужной дверью, прежде чем нажать кнопку звонка.

Полпервого ночи. На минуточку!

Нормальные люди спят праведным сном перед завтрашним рабочим днем. И то, что Игнат перебудит незнакомых людей, благодушие и расположение к его персоне вряд ли вызовет, какие бы форс-мажоры и обстоятельства незваного гостя к этому ни сподвигли.

М-да! Обстоятельства, прямо скажем...

Он нажал кнопку звонка, отозвавшегося еле слышными переливами в квартире. Вполне себе такая солидная дверь лишних звуков не пропускала, Стрельцов, по крайней мере, не слышал никакого движения по ту сторону.

Где-то через минуту ожидания, когда собрался уж было позвонить еще раз, он непонятным образом не то ощутил, не то понял как-то, что его рассматривают в глазок, и даже отступил немного назад, для лучшего обзора наблюдающему.

Прогрохотав канонадой в непуганой ночной тишине подъезда, «ворота цитадели» отворились, представив его взору маленькую, стройную в целом и плотненькую в правильных местах девушку, в домашнем бархатном, а-ля спортивном костюмчике, с затынутыми в высокий конский хвост длинными темными волосами, с непокорной челкой, падавшей ей на глаза. Рассмотреть что-то более детально в тусклом свете лампочки на лестничной площадке и небольшого бра, включенного в прихожей, не представлялось возможным.

Впрочем, какая разница, как она там выглядит! Главное – открыла! Считай, первая удача за весь этот растреклятый бесконечный день!

Улыбнуться доброжелательно или еще как-то у Игната не получилось, хотя он честно попытался, все помня про «потревожить среди ночи», но от усталости запредельной мышцы лица баловаться мимикой отказывались напрочь.

Он собрался представиться, минуя предысторию «улыбающимся лицом», но девушка не дала ему такой возможности, перехватив инициативу:

– Предупреждаю! Если вы какой лихой человек или тать ночной, я напушу на вас Степана Ивановича! Мало не покажется! – совсем не страшно пуганула она.

– А кто у нас Степан Иванович? – поинтересовался расстановкой сил Стрельцов.

– Боевой хряк! – без какой-либо тени, намекающей на шутку, на полном серьезе заявила она.

Так! Спрашивать нельзя! Это совершенно очевидно! Но от переутомления, что ли, или что там ему сопутствует? Стресса? Ну вот, от них самых, и находясь к тому же в легкой стадии обалдения, он спросил:

– Вы держите дома кабана?

Девушка порассматривала его немного и с видом человека, смирившегося со своей участью, утвердила:

– Да! – и даже головой покачала, подтверждая тяжесть данного обстоятельства.

Так! И куда он попал?!

Стрельцов отступил на шаг и посмотрел на номер двери, проверяя верность адресности своего попадания. Номер квартиры весело посверкивал золотистыми бочками выпуклых циферок, уверяя в правильности адреса. Игнат перевел взгляд на девушку, безмятежно наблюдавшую за его изысканиями и ожидавшую пояснений по поводу появления незнакомца в столь поздний час.

– Не надо Степана Ивановича, – строго, по-начальственному уверил Игнат. – Можно Ангелину Павловну?

– Нельзя, – как-то даже сочувственно ответила барышня, – она уже ангажирована другим мужчиной.

Да что здесь происходит?! Что за нелепый разговор?! У этой девицы с головой, что ли, не все в порядке?

Он разозлился влет, сурово, по-мужски, оттого и перешел на неприязненный, совсем уж начальственный тон:

– Послушайте! Я разыскиваю Дмитрия Николаевича Стрельцова, и для этого имеется веская причина! Его телефон не отвечает...

– Не кричите, – перебила его пылкую назидательность девица, не повысив голоса и не окрасив его эмоциями, – вы разбудите всех домашних, и Степана Ивановича в том числе.

– Да, – переведя дыхание, согласился Игнат, как с дельным предложением подчиненного, и, чуть сбавив напор, представился, поспешив закончить непонятный ему балаган: – Меня зовут Игнат Дмитриевич Стрельцов, я разыскиваю своего отца...

– Проходите, – вновь перебила его девушка, отошла в сторону и сделала приглашающий жест.

Стрельцов шагнул через порог, еще до конца не осознав, что его впустили, и не очень понимая, что же дальше: Степан Иванович-то будет?

Она закрыла за ним дверь, заперла замок, повернулась и, поражая гостеприимством, сменившим предупредительно-пугающие выступления, предложила:

– Раздевайтесь и проходите на кухню.

Резко наклонилась, пошарила в ящике гарнитура, извлекла солидные мужские тапки, поставила перед ним и распрямилась.

– Это вашего батюшки, – пояснила персонификацию обуви. – Вам подойдут?

Он кивнул – подойдут, мол, еще как. После непоняток у дверей, кратковременной вспышки раздражения и совсем не плавного перехода к дружескому приглашению крохи оставшихся сил, выдавливаемые из организма исключительно силой воли, быстренько покинули Стрельцова, и он почувствовал такую гигантскую усталость, что даже говорить не мог.

А вот этого нельзя! Нельзя расслабляться! Еще придется ехать куда-то, бежать, искать...

Предупреждая его вопросы, девушка указала рукой на пуфик, предлагая этим жестом пристроить на него ноутбук с портфелем, забрала из рук шапку и шарф, достала из стенного встроенного шкафа вешалку-плечики, ожидая, когда Игнат снимет пальто.

Очень мило! Сначала «Степана Ивановича напушу», а теперь ухаживает, как за гостем дорогим.

В молчании происходил ритуал внедрения Стрельцова в незнакомую квартиру. Черт его знает, может, действительно девушка боялась потревожить боевого хряка, отдохавшего от трудностей защиты территории. Не нарушая утвердившегося молчания, хозяйка жестом указала направление дальнейшего следования, заявленного ею ранее, – в кухню, в дверь которой упирался длинный широкий коридор.

Перегруженный мозг Стрельцова на мелочи типа рассматривания деталей обстановки не разменивался – мужчина вошел в кухню и всем организмом замученным прочувствовал: уютно, домашне, тепло и просторно – хо-ро-шо!

– Присаживайтесь, Игнат Дмитриевич, – предложила хозяйка и поспешила собрать разложенные на большом круглом столе, стоявшем возле дивана, какие-то листки с рисунками, чертежи, документы, канцелярские мелочи, захлопнула крышку ноутбука и все это переложила на маленький столик у окна.

Работала явно, пока он не помешал ей своим полуночным появлением.

У него сил не наскребалось даже на раскаяние мало-мальское, а уж про ощущение неловкости и говорить нечего! Ему сейчас все было ловко в достижении главной цели.

– Чаю хотите? – спросила девушка.

Чаю он хотел. Черного, горячего, с сахаром и лимоном. Большую кружку. И пить обжигаясь.

– Можно умыться? – спросил Игнат.

Она кивнула и проводила его в ванную комнату, достала там из шкафчика чистое полотенце, протянула Стрельцову и вышла, осторожно-тихо притворив за собой дверь.

Стрельцов снял пиджак, галстук, расстегнул воротник рубашки, закатал рукава и просто сунул голову под струю воды – сначала горячую, потом холодную.

Надо же хоть что-то соображать! Еще неизвестно, куда придется дальше двигаться по ночной морозной Москве, какие действия предпринимать!

А ведь придется! Твою мать!

Галстук он не стал надевать, сунул в карман брюк, и рукава застегивать не стал, вытер волосы насухо, вымыл руки, сунул пиджак под мышку и двинулся назад, в предложенную для ночной аудиенции кухню.

Там его уже ждал чай, и именно такой, как Стрельцову хотелось, – горячий, черный, в большой кружке! Господи, как хорошо-то! Кстати, девушка, утверждавшая, что держит дома кабана, тоже его ждала.

– Садитесь, Игнат Дмитриевич, – улыбнулась она, указав рукой на диван.

Видимо, указующие жесты руками – ее излюбленная манера общения с миром, как у Ленина указание направления движения социалистической революции – типа: вперед!

О как! Подивился самому себе Стрельцов, встрепенулся, значит, разум ворчанием и легкой иронией. Что в данных обстоятельствах есть большое достижение.

– Меня зовут Инга, – представилась хозяйка. – Я дочь Ангелины Павловны. Ну, вы наверняка это знаете.

Она поставила на стол возле чашки с чаем, которую Стрельцов обнял двумя ладонями сразу, как сел, словно блокадник согревающийся, тарелочку с порезанным лимоном, сахарницу и вазочку с сушками-конфетками и озабоченно поинтересовалась:

– Игнат Дмитриевич, вы есть хотите?

– Не знаю, – честно признался он и заторопился с вопросами, словно боялся, что его сейчас прогонят от тепла, уюта и горячего чая: – Инга, а где отец?

– Они с мамой в Египте отдыхают. И пользуются там другой, туристической, симкой, поэтому до них и не дозвониться по прежним номерам. – Девушка села за стол напротив него и дала более расширенное пояснение: – Они затеяли ремонт в квартире, пожили с нами пару недель и решили уехать покурортничать.

– Про ремонт я знаю, – кивнул Стрельцов, размешивая сахар.

Сделал первый, обжигающий, большой глоток и аж зажмурился от удовольствия, помолчал немного, пока смаковал эту малую радость.

– Я разговаривал с его соседкой, она про ремонт объяснила.

– Ах да, Анна Ивановна, – улыбнулась Инга, – мы подозреваем, что она чекистка в отставке. За всеми следит, сведения собирает, расспрашивает с пристрастием.

– Да уж, – улыбнулся ответно, впервые за весь растянувшийся более чем на сутки день Стрельцов. – Меня она тоже допросу подвергла. Кстати, так каждый раз, когда я к отцу приезжаю. И телефоны ваши не дала, как ни уговаривал.

Чай был хорош, крепко-терпкий, и успокаивал горячестью пустоту в желудке. Игнат почувствовал, как его расслабляет, затягивая, это тепло внутри. Он тряхнул головой, потер веки пальцами, пытаясь взбодриться, чтобы не вырубиться прямо здесь.

– У меня дочь пропала, – признался он Инге, потирая и потирая веки. – Сбежала от матери, оставила дурацкую записку, что уехала к деду в Москву, телефон отключила.

– Нашлась ваша беглянка, – опять улыбнулась Инга, – спит в гостевой комнате.

– Она здесь? У вас? – не поверил до конца Стрельцов.

– Да, здесь. За час до вас приехала, – подтвердила Инга, для убедительности качнув головой, – умная девочка. Прodelала тот же маршрут, что и вы. Не найдя никого в квартире деда, поехала к нам. Адрес она знает, она же приезжала на их свадьбу и жила у нас здесь.

– Да, точно, – вспомнил Игнат немного растерянно. – Машка ездила тогда на свадьбу, а я в командировке в Германии был и не смог приехать. – И вдруг до него дошло окончательно. – Так она точно здесь?

– Точно, точно, – уверила Инга. – Хотите посмотреть?

– Нет, – отказался Стрельцов, подумав.

От облегчения, низвергнувшегося на него, он почувствовал, как киселем расслабились мышцы и в глазах аж защипало, пришлось их снова сильно потереть пальцами.

Слава тебе господи! И что? Уже не надо нестись в неизвестность? Разыскивать, в милицию обращаться? Что, не надо?

Кажется, хозяйка его о чем-то спросила? Ах да, предложила посмотреть на спящую дочь!

– Нет, – повторил он, – а то не удержусь, разбужу и такого навалю, по первое число! По хорошему выпороть бы ее надо! – Он посмотрел на Ингу и признался: – Перепугался страшно! Когда понял, что отца нет и она его не нашла, а на дворе ночь и неизвестно, куда она могла деться и что с ней.

Инга покивала понимающе, сочувственно улыбнулась и предложила принятый в таких ситуациях простейший «антистресс»:

– Может, вам коньяку выпить?

Стрельцов призадумался – коньяку оно, конечно, очень бы здорово и именно то, но еще ехать искать гостиницу, заселяться, а его развезет в момент, вот сто пудов!

От чаю, коньяка и отпустившего все силы воли облегчения.

Непроизвольно тяжело вздохнув, он уж собрался с большим сожалением отказаться, но его отвлекли странные звуки где-то в коридоре, приближающиеся к кухне, нечто напоминающее постукивание по полу. Усилившись, звуки вдруг оборвались. Игнат недоуменно уставился на дверь, которая, дернувшись пару раз, начала медленно открываться.

В образовавшуюся щель просунулось небольшое свинячье рыльце, подтолкнуло створку, и, процокав по полу копытцами, в кухне появилась пегая маленькая свинка, серого окраса с темными пятнами. Стрельцов оторопел от такого театрального появления, словно прилет инопланетян наблюдал, и даже заподозрил, как тогда, у дверей в квартиру, что от усталости и стресса он того, сдвинулся немного разумом в восприятии окружающей действительности. Или много.

– А вот и Степан Иванович собственной персоной, – представила Инга животное с особой серьезностью, прямо как директора предприятия какого при авторитете.

– Это тот самый боевой хряк? – начал выяснять Стрельцов, приходя в разум.

– А то! Зверюга, говорю вам! – сделав «страшное» лицо, уверила с воодушевлением Инга.

Кабанчик покрутил недовольно рыльцем, подошел к гостю и принялся обнюхивать его ногу.

– Кусается? – настороженно спросил господин Стрельцов.

– Наверняка! – рассмеялась Инга. – Характер у него, скажем прямо, вполне свинский.

Стрельцов рассматривал «зверюгу», недовольно обнюхивающую его брючины, и подумывал о том, что засады сегодняшнего дня, пожалуй, рановато считать законченными. Свинтус, вынюхав все, что ему надо, недовольно хрюкнул и повернулся к Инге.

– Нет, Степан Иванович, – обратилась к питомцу хозяйка, – ночью никого не кормят!

Кабан хрюкнул с явным неодобрением, проделал некие движения ушами и маленьким хвостиком, чуть повернулся тельцем в сторону Игната, словно кивнул на него.

– А это гость неожиданный, его потчует, – пояснила Инга, словно с человеком диспут вела.

Свинья хрюкнула с явным намеком на пренебрежение типа: «Да ладно, какой такой гость?»

– Важный гость, дорогой, – утвердила в ответ хозяйка. – А вам, Степан Иванович, от ночных посиделок ничего не перепадет, у вас, знаете ли, диета! Можете идти поживать далее.

Вы бы что в такой ситуации подумали? Вот-вот! Стрельцов аж взбодрился умищем, придя к выводу, что это не он того, ку-ку, а Инга несколько, скажем так, не в себе. Стрельцов даже рассматривать ее принялся, видимо, пытаясь обнаружить признаки ненормальности на лице.

Признаков не наблюдалось, ни явных, ни намекающих, но она перехватила этот его изучающий взгляд и звонко рассмеялась. Спихватилась, что громко, и прижала пальцы к губам, продолжая посмеиваться.

– Не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, – успокоила его сомнения она. – Степан Иванович у нас товарищ серьезный, член семьи, можно сказать, большой ее критик и блюститель нравственности. Он абсолютно все понимает и требует к себе уважительного отношения.

На лице Стрельцова отразились сильные сомнения по поводу ума Степана Ивановича и его хозяйки иже с ним. На что кабанчик шустренько развернулся всей тушкой, уставился глазами-бусинками на Игната и хрюкнул.

Вот верьте не верьте, но на его морде отразилось предупреждающее недовольство, и хрюк этот имел интонацию предупреждения перед нападением, и хвостик как-то дернулся из стороны в сторону с тем же намеком.

Боевой хряк, итить его!

– Ладно вам, Степан Иваныч, – урезонила Инга «члена семьи». – Игнат же Дмитриевич с вами не знаком, вот и выказывает сомнения в ваших свинских способностях.

И тут до Стрельцова дошло, что она просто умирает со смеху, еле сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос, наблюдая за его реакцией и всеми эмоциями, отражающимися у него на лице.

Так! Что там? Переутомление и стресс?

– Все, Степан Иваныч, свободны! – объявила об окончании представления Инга. – Вам здесь не обломится!

Кабанчик громко хрюкнул – уж извините – пренебрежительно! Подошел к своим мисочкам возле холодильника у стены, обнюхал их, удостоверившись в постулате «не обломится», потом быстренько засеменил к двери, юркнул в щель и застучал дробно копытцами, удаляясь от кухни.

И, черт побери, весь его свинячий зад и окорочка выражали полное порицание и неодобрение ситуации, гостя этого ночного и веселящейся хозяйки!

Инга, не забывая о спящих в доме, тихонько рассмеялась, встала, закрыла за удалившимся на покой Степаном Ивановичем дверь кухни.

– А как он вошел? – спросил Игнат с неподдельным любопытством.

– С той стороны к ручке привязана веревка с деревянным шариком на конце. Он за нее дергает и открывает дверь, – вернувшись на свое место, пояснила Инга. – Раньше, когда Степан Иванович рвался на кухню, а дверь была закрыта, он устраивал такой скандал. Визжал, хрюкал, стучал копытами в дверь, ругался, в общем, не по-детски, вот Федор и придумал «ручку» для него. Вы не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, на самом деле эти мини-пиги невероятно умные, они абсолютно все понимают и даже разговаривают. Правда-правда! Наш, например, четко говорит «Фе-дя», «да» и «нет». Ну и мимикой морды и тушки остальное, недосказанное. Еще увидите сами, убедитесь, – старательно уверяла она.

– Уже убедился, – попытался улыбнуться Игнат.

Улыбаться получалось не очень. Хотя, надо отдать должное, ночной диалог женщины со свиньей его несколько взбодрил.

Но... к нашим баранам, куда ж без них. Чай он выпил и не заметил, как и когда, пора и...

– Так что насчет коньяка как средства от стресса? – повторила свое предложение она, резко сменив тему взаимоотношений людей и свиней.

– Я бы с удовольствием, но, увы, еще в гостиницу ехать, – развел руками с большим сожалением Стрельцов.

– Какая гостиница? – возмутилась активно-недоуменно она. – Да вы что? Никуда я вас не пушу! Вы себя в зеркало видели?

– Вроде да, – растерялся несколько от неожиданного напора Стрельцов. – А что я там должен был увидеть?

– Да вы измучены вконец! – пояснила Инга. – Вы, кстати, как столь оперативно в Москве очутились? Маша говорила, что вы в командировке и еще не скоро вернетесь, поэтому она к деду и рванула.

– Я смог раньше с делами управиться, в авральном, так сказать, режиме. У нас с этим проектом все в авральном порядке. Освободился на несколько дней раньше, вот и прилетел.

– Откуда?

– Из Владивостока.

– Ничего себе! – посочувствовала горячо Инга, уточнив: – В Москву?

– Нет, – вздохнул Игнат. – В Питер. Когда получал багаж, позвонила Марина, сообщила, что Машка сбежала в Москву. Я ближайшим рейсом и полетел за ней.

– О господи! – аж всплеснула руками от сочувствия Инга. – Это ж сколько часов вы сегодня летали?

– Одиннадцать в общей сложности.

– Так! – резво поднялась она в деятельном порыве. – Вам надо поесть горячего! Обязательно!

– Не надо, Инга, – остановил он. – Есть я сейчас вряд ли смогу.

– Тогда что? Душ?

– Душ – это прекрасно, но и его я, пожалуй, не осилю, – сожалеюще вздохнул Стрельцов, на которого навалилась вся тягостность сегодняшняя, – поеду я, Инга.

И по-стариковски, с трудом принялся подниматься с дивана.

– Да куда вы не поедете, Игнат! – строго, повысив голос, отрезала она, проигнорировав «Дмитриевича». – Сейчас я вам постелю в гостиной, на диване, вас там никто не потревожит! Не засыпайте только пока, я быстро. Ладно?

– Ладно, – выдохнул Стрельцов все сразу: и напряжение, и ужасную перспективу еще куда-то ехать, двигаться, что-то предпринимать. Почувствовав облегчение, попросил: – Давайте тогда ваш коньяк.

Пока он с теми же предосторожностями, по-стариковски осторожно, стараясь не тревожить лишними движениями тело умученное, усаживался обратно на диван, Инга успела поставить перед ним на стол пузатую рюмку и початую бутылку дорогого коньяка. Посмотрела на его движения с сомнением и сама открыла и налила добрую порцию в рюмку.

– Да, еще, Игнат, – с большим сочувствием в голосе сообщила она, – Маша звонить матери отказалась, пообещала сделать это утром. Я как раз дозванивалась до Дмитрия Николаевича, чтобы узнать телефон Марины, когда появились вы. Так что вам придется самому ей звонить. – И, почти извиняясь непонятно за что, добавила: – Я пойду постелю вам.

Он кивнул, и благодаря и соглашаясь одновременно, достал из кармана сотовый, набрал Маринин номер и, слушая гудки вызова, хлопнул всю порцию коньяка.

Ему нужно было, как лекарство.

– Да! – проорала Марина.

– Я ее нашел. Не кричи, – поморщился он от резкости ее голоса и коньячной крепости, закусил ломтиком лимона, отчего скривился еще разок.

– Где она?!

– Марин, не кричи, – повысив голос, потребовал Стрельцов. – Она в порядке. Спит.

– Пусть немедленно едет домой!

– Какое домой? Час ночи! – урезонил бывшую жену Игнат. – Завтра поговорим.

– Что значит завтра?! Я тут себе места не нахожу, с ума схожу!

– Ну так не сходи! – брызнул раздражением и сразу остыл он. – Марин, главное, она нашлась, жива, здорова, а разбор полетов отложим до завтра, – приказным тоном, с нажимом отчеканил Стрельцов. – Все. Пока!

Он с сомнением посмотрел на бутылку – нет, пожалуй, хватит допингов – спать, спать, спать!

Дальнейшее перемещение из кухни в гостиную на уютный большущий мягкий диван, под теплое пуховое одеяло, как в мечту, он запомнил с трудом, отрывочно, уже в полудреме. И упал, как умер, раздевшись в бессознании частичном, и перед глазами какое-то время все белели облака под крылом самолета.

Этот проект, который выполнял их институт, был самым масштабным, невероятно значимым, сверхответственным и, разумеется, на супервысоком государственном уровне. Нечто уникальное, ранее никогда и никем в мире не делавшееся.

Казалось бы – красота страшная! Но замороче-е-ек! И «головняк» выше маковки!

На всех уровнях! И, разумеется, ответственность сверх всякой меры!

Так что вкалывали все: от генерального директора до последнего чертежника. Вот и Стрельцову приходилось трясти свою начальственную пятую точку, мотаясь разгрести на месте засады всякого рода.

А начальствовал Игнат Дмитриевич отделом научно-технической экспертизы, если придерживаться абсолютной точности, «Объединением отделов испытания, анализа и экспертизы материалов, природных ресурсов, изделий, конструкций, научных исследований, испытаний и экспертизы» в Институте мостостроения и дорог, находящемся в городе Санкт-Петербурге.

И нравилась Стрельцову его работа до необычайности и влюбленности редкой. Всегда нравилась, с первого курса института, становясь все интереснее, увлекательнее от проекта к проекту, по мере роста и накапливания им бесценных знаний-умений.

А тут такие масштабы! Да красотень!

Конечно, и ночи не спишь, и по двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки вкалываешь, но ведь в радость и в жгучий интерес!

Ну, вот и с приветом – во Владик!

На месте урегулировать все, что успели напортачить подчиненные и не смогли согласовать с местным начальством и проектным отделом. Так сказать, разбираться не отходя от кассы.

Он и разбирался в режиме штурмовом: «тумаков» надавал кому следовало, голос сорвал, ругаясь с кем требовалось, улыбался губернаторствующим и выпивал «деловую» с проектниками по четырнадцатичасовому рабочему графику.

Нормально. Разрулил на этом этапе.

Отчет составил, отправил по электронной почте вместе с проверочными данными и этапными расчетами в отдел. Доложил о результатах Каюшеву, генеральному директору, принял от него похвалу, уважку и «отсыпную» пятницу, попрощался до понедельника...

И почти весь девятичасовой полет не вылезал из ноутбука, перепроверя расчеты и показатели, пересматривая графики работ, перечитывая докладные и отчеты подчиненных.

Где-то минут за сорок до посадки захлопнул крышку ноутбука – все! Ночью накануне поспал-то не больше четырех часов, торопился дела закончить. Знал, что три дня отдыха впереди, мечтал, как приедет на свой участок на Финском заливе, где строил дом, затопит печь и пойдет гулять по местам красоты завораживающей, непередаваемой!

Стрельцов смотрел в иллюминатор на кипенно-белые, причудливо клубящиеся облака, подсвеченные садящимся за горизонт солнцем. Самолет двигался с востока на запад, и солнце все садилось и садилось, а они, как в детской игре, все догоняли и догоняли этот растянувшийся на часы закат.

В аэропорту Стрельцова встречал Иван, его личный водитель. Игнат Дмитриевич махнул рукой, заметив его за ограждением в зоне для встречающих, подхватил с транспортной ленты багаж, и в это время позвонила Марина.

Стрельцов от досады крутанул головой – вот меньше всего сейчас, после тяжелой, измотавшей командировки и многочасового перелета, ему хотелось разобраться в чем-то там с бывшей женой.

Что разобраться – верняк!

Для иных целей она как-то не торопилась звонить. К денежному эквиваленту его внимания к дочери и себе самой у бывшей жены претензий не имелось, а даже где-то мерси за щедрость, ни попыток, ни призывов к воссоединению не наблюдалось – боже упаси! Зато существовал извечный повод для упреков, требований и поучений – дочь Мария.

Игнат долго не нажимал кнопку ответа, надеясь, что Марина отстанет. Но его бывшая настойчивая жена делать этого не собиралась и после того, как связь за «неответом абонента» прервалась автоматически, перезвонила еще раз.

Стрельцов успел выйти из багажного отделения, пожать руку Ивану, который на ходу перехватил у него чемодан, когда телефон повторил вызов бывшей жены.

– Да, Марин, – буркнул он.

– Игнат! – с ходу на высоких истерических тонах начала она. – Машка сбежала!

Он вышел из здания на улицу, вздохнул пару раз для успокоения и ровным тоном задал ставший последнее время традиционным вопрос:

– Вы опять поругались?

– Мы поругались не опять! Это у нас обычная форма общения! – возразила Марина. – Она совершенно отбилась от рук! Меня ни во грош не ставит, хамит, грубит! Вытворяет черт-те что!

– У нее переходный возраст, – миллион сто первый раз напомнил он, выступая в надоевшей до оскомины роли миротворца между женой и дочерью. – Я тебе предлагал неоднократно: пусть поживет со мной, а ты отдохнешь от ее закидонов.

– Ну да! Я, значит, плохая мать, а ты у нас прекрасный понимающий отец! – повторила она любимую присказку.

В миллион сто первый раз! Как же ему это остохренело!

– Так, все! Хватит! Давай по делу! – сурово приказал Стрельцов.

– По делу?! – аж задохнулась от возмущения бывшая жена. – Ах, по делу! Так вот, она сбежала, оставила идиотскую записку, что уехала к деду в Москву, разговаривать со мной не желает и телефон свой отключила!

– И в чем причина разногласий на этот раз? – поторапливал Стрельцов.

А Марина вдруг замолчала. Как-то странно примолкла, совсем не в свойственной ей манере.

– Марин? – призвал к затянувшемуся ответу Игнат.

– Она беременна! – сообщила мать его пятнадцатилетней дочери.

– Что-о-о?! – обалдел Стрельцов.

– Беременна. Шесть недель, – четко выговаривая слова, без истерической составляющей повторила Марина.

– Та-а-ак! – пытался осмыслить информацию Стрельцов, осмыслить получалось не очень, и он повторил: – Та-ак!

А Марина вдруг затараторила, зашпешила словами сквозь рыдания:

– Конечно, я на нее наорала, а кто бы не наорал! Ей пятнадцать! А тут! Конечно, я сказала, что мы немедленно идем к врачу и делаем аборт! А что еще?! А она как с цепи сорвалась, словно помешалась! Такого мне наговорила! Я ее дома закрыла, ключи отобрала и поехала к Елене Сергеевне, ну, к гинекологу знакомому, договариваться об аборте. А у этой засранки запасные ключи были. Возвращаюсь домой, ее нет, и записка лежит! Сейчас прочитаю. – Она зашебуршила листком, хлюпнула носом и прочитала: – «Я уехала к деду в Москву, пока не вернется отец, разговаривать с тобой не хочу, не звони, я все равно отключила телефон. И

можешь не стараться, никакого аборта я делать не буду». – Закончив, Марина снова разрыдалась: – Господи, вырастила на свою голову! Что же это такое, Игнат?! Опозорила нас да еще выкаблучивается!

– Ты отцу звонила? – перебил причитания он.

– Да! – продолжала плакать Марина. – У него номер недоступен, и у жены его тоже! Может, они уехали куда! Вот где Машка?! Что с ней?! Что она одна в этой Москве делать будет? Да еще ночью!

– Все! Не плачь! – уже принял решение Стрельцов, как всегда быстро и без дальнейших сомнений. – Я ее найду!

– Ты что, в Москву полетишь? – шмыгнув носом, спросила бывшая жена растерянно.

– Нет, бля, в Воркуту! – гаркнул Стрельцов, отключился, не прощаясь, и пошел к водителю, ждавшему его тактично поодаль, не мешая разговаривать.

– Ну что, Иван, концепция поменялась! – сообщил раздосадованный начальник. – Пошли к машине!

Вытащив из портфеля несколько папок с документами, Стрельцов открыл чемодан, переложил из него в портфель дорожный несессер, пару сменного белья, легкий пуловер на всякий случай.

– Да что стряслось-то, Игнат Дмитрич? – недоумевал водитель, наблюдая за его действиями.

Иван – мужик правильный, надежный, сто раз перепроверенный службой безопасности, а как вы думали! Ведь большая часть работы Стрельцова и его подчиненных – это конфиденциальная и охраняемая информация, в каком-то смысле стратегическая. Представьте, какими могут быть последствия, если данные научных экспертиз попадут, скажем, к конкурентам или к лоббирующим иные интересы, далеко не миролюбивые. Ну, вот то-то!

Возил Иван Стрельцова уж второй год, и душа в душу, заслужив начальственную уважку и доверие. А посему и запасную связку ключей от его, начальства то бишь, жилья.

– Ты, Иван, отвези барахло мое домой, а папки сразу в офис, – распорядился Стрельцов, застегивая портфель, – а я в Москву.

– Прямо сейчас? – ошарашенно переспросил водитель. – Это после такого перелета?

– Прямо сейчас, – подтвердил Стрельцов, позволив себе вздох тяжкий, – после такого перелета.

– Ну, смотри, Игнат Дмитрич, как знаешь, – покачал неодобрительно головой водила, захлопывая крышку багажника. – Тебе бы, по-хорошему, отоспаться, отлежаться.

– По-хорошему оно бы конечно, – согласился Игнат, хлопнул Ивана по плечу и зашагал назад в аэропорт.

Ближайшим рейсом он улетел в Москву.

Все закаты Стрельцов догнал и перегнал за этот нескончаемый день. Смотрел в слепую темноту за иллюминатором, и все клокотало у него внутри, возмущением беспредельным обжигая шипением мозг!

Его девочка! Господи! Его девочка – вечно растрепанные косички, сбитые коленки, счастливая улыбка, сияющие зеленущие глазенки – фонтан энергии, радости и любви во все стороны!

– Па-по-чка! – орала она, только завидев его, и кидалась на шею обниматься-целоваться и рассказывать, захлебываясь, все-все-все самые важнющие свои девчоночьи дела!

Принцесска!

Так он ее называл в детстве. Машенька, его огромное счастье! У Стрельцова всегда что-то щемило возле сердца от любви и нежности, когда он смотрел на нее или заходил в ее комнату, когда девочки не было, и видел ее вещички, игрушки разбросанные. Его доченька!

Однажды Машка сильно заболела. Подозревали воспаление легких. Игнат перепугался страшно! До холодных судорог в прессе! Температура шкалила запредельная, чего они только не предпринимали, и приехавшая «Скорая» сбить не смогла. И он носил дочку на руках, ходил по всей квартире, укачивал, рассказывал что-то, песенки фальшиво пел, и все ходил и ходил, не спуская с рук ни на минуту.

К утру температура спала, и они так и заснули на диване вдвоем – он и Машка, оберегаемая кольцом отцовских рук. И оказалось, такой грипп тяжелый, а не воспаление.

Разумеется, она еще не раз подхватывала разные гриппы и коленки-локти вечно разбивала из-за энергии двигательной кипучей, но так тяжело, как тогда, больше не болела никогда.

Стрельцов на всю жизнь запомнил физическое чувство страха, которое испытал в ту ночь за Машку!

А потом она как-то в один момент выросла – спать ложилась еще принцесской с косичками, а утром уж барышней проснулась. И грудь у нее выросла враз, быстро, и тебе все округлости-плавности появились, и походка, и понты девичьи, и косметики-макияжи, и коротенькие, на грани отцовского инфаркта, юбочки, каблучки, и...

И такая тут шняга началась! Только держись! Понеслось подростковое аутодафе родителям! Усугубленное их с Мариной разводом.

О господи, господи! Весь набор противостояния родителей и детей! Спасибо всевышнему, без наркоты и криминала – это Стрельцов знал точно! Сам с ней разговаривал и – да простит его Машка! – просил службу безопасности по-тихому проверить. А куда деваться?! И на том отцовское спасибо, что без таких крайностей! Как сказал его отец: «И это большое счастье!»

На большое счастье необходимость терпеть все ее выкрутасы не тянула никак!

Но кто бы мог ждать беды с другой стороны?

Стрельцов, как только представлял, что какой-то мужик проделывает с его девочкой, что обычно мужики проделывают, у него пелена перед глазами плыла! Как ее там в книгах называют? Кровавая? Во-во! Именно такая – бешеная!

Он все успокаивал себя, цыкал на разбушевавшееся воображение: ну, может, тот козел, которого по-хорошему придушить бы надо, и не проделывал с его девочкой ничего подобного!

И тут же взрывался возмущением беспредельным: да, а что, шесть недель беременности ей ветром надуло?!

И вновь принимался себя остужать, успокаивать: ну, может, пацан какой, ровесник, такой же неграмотный в этом деле, как и она?

И погнали заново: пацан не пацан, но занимались они именно тем, от чего дети получают!

Так накрутил себя, что даже сердце заныло от размышлений таких. Стрельцов потер рукой грудь, успокаивая ретивое и сознание, и сердчишко.

– Вам плохо? – спросила сердобольная пожилая женщина, сидевшая рядом. – У меня есть валидол и нитроглицерин, вам дать?

– Спасибо, – поблагодарил он, – не надо.

Не скажешь, конечно, что ему хорошо, скорее ближе к хреново, но не до такой же степени. Валидол – это, пожалуй, перебор.

Ничего. Разберемся!

Главное, Машку найти!

Инга несколько раз осторожно, чтобы не потревожить Стрельцова, заглядывала в гостиную. Ночной вторженец спал, не реагируя ни на какие звуки в доме. А звуки активной утренней жизни домочадцев приглушить, несмотря на все старания, было, как говорит ее сын Федор, полный бесполезняк!

Утро доброе началось с громогласного баса сыночка.

– Мамулька, привет! – заявившись в кухню по дороге в ванную в одних труселях, поприветствовал ее отпрыск родной пятнадцати годов.

– Не шуми, у нас гость спит, – предприняла попытку утихомирить сына Инга.

– Это Маня, что ли? Так она уже встала, вот очередь за ней в коммунальную ванную занял. Дожидаюсь! – балагурил с утренней жизнерадостностью Федька.

– Не Машка, а папаня ейный ночью прибыли, – разъяснила Инга, ловко переворачивая тонюсенький большой блин на сковородке.

Народу в их «цирковой труппе» прибавилось, следовательно, прокорму требовалось поболее, вот она и старалась дежурной кухаркой.

– Да ты че! – хохотнул Федька. – Маня офигеет!

– Почему у меня такое чувство, что сей факт не слишком ее обрадует? – поинтересовалась Инга и хлопнула Федьку по руке, потянувшейся стибрить блин с тарелки. – Сначала умываться!

– Да полно вам, маман, – продолжал радоваться жизни отпрыск, – отрок кушать хотят.

– Иди, иди, – вытолкала его из кухни «маман», – и оденься, у нас в доме барышня, неча исподним трясти, девушку конфузить!

Федька был выдворен, очередной блин ловко перекинут на тарелку, блинная исходная на сковородку, и тут из коридора донесся легкий скрип, сопровождаемый дробным постукиванием.

– Ну что, – встретила новоприбывших Инга, – тяжелая артиллерия пожаловала?

– Доброе утро, Ингуша, – въехала на инвалидном кресле в кухонное пространство бабушка, сопровождаемая верным Степаном Ивановичем.

– Что-то вы припозднились сегодня? – поинтересовалась Инга.

– Прихорашивались, – доложила бабушка. – До меня дошли слухи, что нас посетил мужчина. – И она вопросительно подняла искусно подведенную карандашом бровь.

– Да бросьте вы, Анфиса Потаповна, – усмехнулась Инга, – доносить-то некому-с было. Уж признайтесь: информация из первых рук, полученная методом подслушивания.

– Нехорошо стыдить пожилого человека, – попеняла бабушка и лихо подрулила к месту обычной своей дислокации за столом.

Управлялась она, надо заметить, с этим электрокреслом, как Шумахер со своей машиной.

– Да, я слышала прибытие ночного гостя и твое с ним общение, – призналась бабушка, добавив немного порицания для приправы. – Разговаривали вы, скажем прямо, на всю лестничную площадку.

Степан Иванович громко хрюкнул, выказав полное и категорическое неодобрение гостя незваного и общения Инги с ним. Читай: черт-те что, сплошной беспорядок в доме! Шастают всякие! И вообще, что за дела такие – завтракать пора!

– И не умничайте! – напустилась на него Инга. – Вы вообще ночью вели себя по-свински, Степан Иванович! Заявились тут с проверкой, может, чего пожрать перепадет, чуть гостя не покусали, да еще презрение выказывали!

– Хрю! – отозвался на заяву Степан Иванович с явным пренебрежением.

Что означало: «Да какое мне дело до ваших гостей! Подумаешь, ходят тут! А территорию на предмет шума непонятного проверить обязан!»

– Степан Иванович при своей ответственности, – поддержала его бабушка.

– Доброе утро! – образовалась в кухне Мария Стрельцова, свежа и бодра.

– Здравствуй, Машенька! – разулыбалась бабушка ребенку.

– Хм-хрю! – воркнул Степан Иванович и процокал к своему «столовскому» месту, где Инга уже разложила для него на чистой – заметьте! – белоснежно чистой тряпочке опять-таки же чистые кусочки овощей.

- А то! Эстет и гурман! А вы думали! Мы вам не хрюшки в загоне – манеры и гоно́р имеем!
- Привет, Машенька, – поздоровалась Инга. – Садись, сейчас завтракать будем.
- Давайте я помогу, – предложила девочка паинькой примерной.
- Никак что-то в погоде изменилось, раз мы тут скромницей прилежной выступаем!
- Помочь ты, конечно, можешь, но сначала осмысли информацию, – предложила, усмехнувшись, Инга. – Ночью приехал твой папа. Есть предположения почему?
- Ой! – прижав ладошку к губам от испугу, отозвалась Машка и, не сводя перепуганного взгляда с Инги, села на диван. – Ку-куда приехал?
- Да вот к нам, понимаешь ли, – не порадовала Инга, – почивает сейчас в гостиной.
- А он знает? – совсем по-детски, с надеждой на отрицательный ответ, полупшепотом спросила девочка.
- Подозреваю, что да.
- Хм-хрю! – вставил свое свинячье Степан Иванович без отрыва от основного занятия.
- Ой, что же будет? – округлила глаза от предчувствия грядущего скандала и нагоняя от бабушки девица Мария.
- Ну, леденцы с неба вряд ли, – «предположила» Инга, – и по головке тоже, скорее всего, не погладят. Но, думаю, обойдется без смертоубийства.
- Хм-хрю, хрю! (в переводе: «Еще чего!») – донесся громкий ропот из кабаньего угла.
- Инга, перестань пугать девочку! – вступилась Анфиса Потаповна.
- Кто тут кого пугает? – поинтересовался Федька, присоединяясь к компании.
- Уже одетым и умытым! Слава тебе!
- Так! – утвердила распорядитель банкета. – Завтракать для начала!
- А для продолжения? – уточнил повестку дня отрок родной. – Машк, у тебя какие планы?
- Как выяснилось, у Марии планы имелись в количестве одного, но весьма конкретного пункта: улепетнуть куда-нибудь побыстрее от отцовского гнева и разборок.
- Побег не одобряю, – возразила Инга, – лучше сразу поговорить, обсудить проблему, а не мучиться ожиданием наказания.
- Я лучше помучаюсь, тетя Инг, а! – заныла Машка. – Пусть он выспится, отдохнет! Он ведь, знаете, из самого Владивостока летел!
- Вот именно, и с пересадкой в Питере, – подтвердила тетя Инга.
- Ну во-о-от! Ну, Инга Валерьевна, ну, давайте я где-нибудь погуляю, а вы его тут успокойте, уговорите не очень расстраиваться, вы же умеете так делать! А потом уж и я.
- Дитя, а ты уверена, что твои проблемы должны решать все взрослые вокруг? – предприняла попытку воспитательного наставления Инга.
- Не уверена, но очень хочется! – хныкала Машка.
- Хрю! – что-то там не одобрил Степан Иванович.
- Ладно, Ингуша, – вступила в сговор с несовершеннолетней Анфиса Потаповна, – чем девочке здесь сидеть и ждать, когда он проснется, пусть лучше погуляет. А там, глядишь, и на самом деле Игнат Дмитриевич поостынет и пенять с суровой строгостью не станет.
- Это что, бунт в детском саду? – возмутилась Инга. – А воспитательница у нас идейный вдохновитель?
- Ма, да ладно тебе, – вмешался Федька. – Давай мы с Машкой слиняем, она от папеньки, а я от школы.
- Откололся и примкнул к оппозиции? – вопрошала маман сына.
- Да-мхр! – высказался Степан Иванович.
- Кстати, он на самом деле умел говорить «да», «нет» и «Фе-дя».
- О боже! – театрально возроптала Инга. – Даже свиньи выступать начали! Что будет со страной?! Ладно, ешьте быстро и валите, пока я не передумала!

- У-ра, – с серьезным выражением лица заявил Федор.
- Ура? – недоуменно переспросила у него Машка.
- Оно, – подтвердил предыдущий оратор.
- Ша-пи-то! – подвела итог, вздохнув, Инга.

Инга проводила детей, бабушка со Степаном Ивановичем удалились в ее комнату смотреть любимый сериал. Один из любимых, спасибо киноиндустрии за неумность в показе данной продукции, – верное средство занять старушек язвительных с питомцами. И, кстати, да, Степан Иванович со всей серьезностью смотрел телевидение и комментировал хрюканьем, составляя Фенечке компанию в живом обсуждении происходящего на экране.

Инга приготовила обед и принялась за работу. Она часто делала работу дома, ту ее этапную составляющую, когда требовалось на бумаге и в компьютере прикинуть проект, цветочную гамму, подборку растений и набросать приблизительную смету. Дома спокойнее думалось и творилось.

Заказ, над которым она сейчас работала, – один из самых масштабных, интересный предоставленной возможностью полного творческого разгуляева.

Но Инга что-то никак не могла сосредоточиться. Вот не шел у нее из головы гость неожиданный, полуночный, мирно спавший в ее гостиной мертвым сном, не реагируя ни на какие звуки.

Игнат Дмитриевич Стрельцов.

Когда она разглядывала его в дверной глазок, то смутно догадывалась, что пожаловал обеспокоенный папаша Марии Стрельцовой. Но вроде бы считается, мы в командировке далекой, все в делах-заботах и никак не можем образоваться у дверей московской родни, поэтому догадки Инги имели характер мало возможных предположений.

Родней, далекой и номинальной, они стали чуть больше года назад, когда Дмитрий Николаевич Стрельцов женился на ее маме, Ангелине Павловне. Со стороны жениха на свадьбу приезжала только Маша. Бывшая невестка Дмитрия Николаевича категорически отказалась принимать участие «в этом идиотизме», но дочь, правда,пустила. А сынок Игнат в тот момент находился в командировке, поэтому только телеграмму поздравительную прислал и посылку с подарком.

Дмитрий Николаевич с мамой за этот год несколько раз ездили к нему в гости в Питер, да и сам Игнат Дмитриевич пару-тройку раз навещался по делам рабочим в Москву, но как-то так получилось, что ни с Ингой, ни с остальными членами семьи он ни разу не встречался.

Ну, бывает. Да и чего, спрашивается, им рваться знакомиться и родственные связи налаживать? Ну вот и не рвались.

Инга открыла дверь, далеко не уверенная, что он и есть неуловимый сынок Дмитрия Николаевича, поэтому и поспешила предупредить о возможных «атаках» недовольного кабанчика.

Он смотрел на нее, как на душевнобольную с гранатометом в руках, – настороженно-недоуменно – и даже вспылал от досады. Это ей показалось в первый момент, что от досады, но когда Инга пригласила гостя в дом и присмотрелась к нему повнимательнее, то поняла, что от какой-то уж совсем зверской усталости.

Выглядел он окончательно замученным: вокруг глаз залегли землистые тени, проклюнувшаяся щетина тоже красочности лицу не придавала, щеки чуть ввалились, глаза покраснели, он все шурился, как делает запредельно уставший человек, стараясь собраться, не расслабляться и сфокусировать внимание.

Стрельцов ей понравился сразу. И очень.

Так странно! На мужчин последние годы у Инги реакция была нулевая, ну практически нулевая, интерес теплой водицы иногда проклевывался через обертку осторожности и занято-

сти работой и семьей, но дальше одной-двух встреч разговорных в кафе не распространялся. А тут, нате вам: только увидела – и понравился во всех правильных значениях!

Хотя вроде бы обычный мужик, ничем особо не выдающийся: среднего роста, худощавый, подтянутый, хорошая стрижка, чуть подернутые сединой виски, внимательные карие глаза, правильные черты лица, волевой твердый подбородок – да, приятная, можно сказать, интересная мужская внешность.

Но что-то ведь торкнуло ее, а? Нечто сверх мужской внешности?

Сидит вот над эскизом, задумавшись барышенькой романтической, вместо того чтобы работать.

А ведь, может, он характера препротивного и привычек скверных? Которые вчера от усталости и навалившихся проблем не выказал?

Да ладно! Характер! Нормальный у него характер серьезного ответственного мужика, чего выдумывать и глупости накручивать! Да и батенька его не жаловался, только похваливал с гордостью. И примчался за доченькой, задвинув все дела свои и усталость.

А проблемы у мужика – ой-ой-ой!

Тайная ежедневная молитва родителей всех подростков, чтобы пронесло стороной от проблем-то таких!

Инга вздохнула старушечкой, подперла кулачком подбородок, облокотившись на стол, посмотрела в оконце.

«Надо же, а? – недоумевала, поражаясь самой себе. – Мужик как мужик, ну интересный, привлекательный, есть в нем что-то... Фиг знает, но пробрало меня по полной программе! Никогда так не пробирало, а вот же, сподобило! Ну и что? Полюбовалась – и задвинь подальше, тем более что заморочен он дочерним «подарочком». Да и о чем ты, Инга Валерьевна?! Понравился! И ничего подобного, так нет же, сижу вот, думаю, вместо того чтобы делом заниматься! Идиотизм!»

Она услышала движение за дверью и поняла, что объект ее странных размышлений и чувств-с непонятных пробудился ото сна и бродит по коридору, как призрак коммунизма по Европе.

Встрепенулась было выйти навстречу и передумала, сам дорогу найдет. Квартирка у них хоть и далеко не маленькая, но не Зимний же дворец, в конце концов!

И назло себе, в виде «ответа Чемберлену» своим растревожившим мыслям, чувствам непонятным и удивлению, уткнулась в эскиз – давай, работай, озабоченная ты моя!

Ха! Ха! Ха! Три раза – работай!

Игнат никак не мог проснуться.

Некое странное состояние, когда частью сознания понимаешь, что уже проснулся, и начинаешь осознавать себя в действительности, но никак не можешь открыть глаза и все плаваешь между реальностью и остатками досматриваемого сна.

Полусон, полуявь, полуподремывание – приятное безвременье.

Он перевернулся с бока на спину, и затягивающее сновидение улетело, уступив место реальности проистекающей. Стрельцов открыл глаза и не сразу сообразил, где находится.

Не дома. Точно.

Потолки высоченные, диван незнакомый, запахи иные. Приятные, умиротворяющие, но иные.

И вспомнил. Сел на диване и осмотрелся.

Большая, светлая, очень уютная комната: у дивана длинный невысокий столик со стеклянной столешницей, два объемных пухлых кресла, плазма над декоративным камином, старинные стильные застекленные книжные шкафы под потолок.

Дальше рассматривать детали интерьера он не стал, поднялся резким движением, оперативно оделся, проигнорировав пиджак с галстуком, сложил стопочкой постельные принадлежности и пошел искать обитателей данной жилплощади и дочь свою Машу среди них.

Выйдя из комнаты, Стрельцов несколько подрастерялся в широком длинном коридоре. Что-то типа: направо пойдешь... налево пойдешь, хоть «ау!» кричи.

Кричать Игнат Дмитриевич не стал, а предпринял любимую русскую разведтактику, а именно метод научного тыка.

За третьей по счету открытой им дверью обнаружился туалет.

Святое. И главное, насущное. Воспользовался.

За четвертой – ванная комната. Ну, это после выяснения обстановки в целом. Погодим.

А вот за пятой дверью с деревянным шариком, привязанным к ручке, оказалась кухня с хозяйкой внутри.

– Здравствуйте, Игнат! – приветливо поздоровалась она.

Как и накануне ночью, когда он был допущен в чертоги, большой обеденный стол оказался завален ватманами разного формата, листками, линейками-карандашами, там же стоял открытый ноутбук.

– Здравствуйте, Инга, – ответствовал, как и полагается, Стрельцов и покаялся: – Я снова отвлек вас от работы. Извините.

– Ничего страшного, – уверила она, поднялась и начала быстро собирать со стола вещи.

– А где Маша? – поинтересовался отец местонахождением дочери блудной.

– Сбежала, – оповестила Инга и поспешила успокоить: – Не пугайтесь, не в глобальном смысле. Пока только от вашего выговора, на несколько часов, имея тайную надежду, что каким-то чудесным образом вы успокоитесь и ругать сильно не станете.

– И куда она сбежала? – засунув руки в карманы брюк, качнувшись с пяток на носки и обратно, автоматически переключился на начальника господин Стрельцов.

– В торговый центр, – улыбнулась понимающе Инга. – В сопровождении сачкующего по этому поводу от школы кавалера, а именно моего сына Федора. Программа следующая: кино, кафе, гуляние с периодическим прозвоном и проверкой по телефону меры вашего гнева.

– А вы им потворствуете! – недовольно пророкотал господин начальствующий.

– Большинством голосов они этот спор выиграли, – пожала плечами Инга и неожиданно «соскочила» с темы. – Хотите в душ?

Стрельцов посмотрел на нее, подивившись себе, отчитывающему ее как подчиненную нерадивую, и испытал нечто отдаленно похожее на раскаяние, приведшее к смиренному вздоху.

– Хочу.

– Там в шкафчике, в ванной, найдете чистое полотенце, – сопроводила предложение Инга. – Обедать будете?

– Обедать? – не понял Стрельцов игнорирование завтрака после сна. – А сколько времени?

– Три часа или чуть более того, – улыбнулась с намеком на сарказм хозяйка.

– Тогда буду, – согласился Игнат Дмитриевич с хорошим предложением и, слава богу, не забыл смягчить все свои подтексты на претензии. – Извините, Инга, за неудобства, доставленные вам нами с дочерью.

– Я лучше ответным визитом с сыном Федором бабахну, он давно хочет Питер посмотреть основательно, – двинула встречное предложение Инга.

– Все, обещали! – строго закрепил решение Стрельцов, не выпадая из роли вожака, и вышел из кухни.

Душ – это хорошая вещь!

Распариться-помыться, и побриться, и немного релакса, правда, без песен и долго не намоешься – все-таки в гостях, да и к обеду зван!

«Рубашку, конечно, следовало бы свежую», – недовольно скривясь, подумал Игнат, одеваясь.

Но в данных обстоятельствах и за то, что есть, великое мерси!

И, довольный бодростью чистой отмытости и побритости, двинулся из ванной в кухню.

Пахло там! Организм отреагировал громким звуковым голодным спазмом в желудке, изойдясь слюной предчувствия.

– Какие ароматы! – не удержал Стрельцов призыва желудочно-душевного.

– Садитесь, Игнат, – распорядилась Инга, накрывая на стол. – Вы ведь, наверное, сутки не ели?

– А кто его знает, может, и сутки, – согласился он, усаживаясь на диван у стола.

Ну что в этот день Игнату Дмитриевичу бог послал? Свежего, еще теплого бородинского хлеба, борща наваристого, соленья-маренья, овощной салат, отбивные из белого куриного мяса в панировке – и все отменного вкуса и великолепного исполнения.

Дары щедрые, неожиданные, никак господь расщедрился за все вчерашние мучения. Баловал.

– Инга! – с трудом взяв малую паузу между жеванием, выказал искренний восторг Стрельцов. – Я даже выразить в полной мере свое восхищение не могу! Не оторваться, до чего вкусно!

– Спасибо, – приняла хвалу своей кулинарии хозяйка.

Первый суровый голод, утоленный самым благостным образом, позволил Стрельцову вступить в застольную беседу:

– А где остальные члены вашей семьи? Я знаю, вы с бабушкой живете.

– С бабушкой, – кивнула, улыбаясь, Инга, – Анфисой Потаповной, и, разумеется, со Степаном Ивановичем. А маман съехала к вашему папе, подальше от злой иронии маркизы.

– А кто у нас маркиза? – спросил Стрельцов, дав себе по-быстрому установку ничему не удивляться.

После знакомства-то со Степаном Ивановичем чему уж теперь!

– Анфиса Потаповна, она же Фенечка, – ответствовала, не переставая улыбаться, Инга, – она же маркиза, прозванная так за тяготение к манерам недобитого дворянства и живость ироничного склада ума.

– И где она сейчас?

– Они со Степаном Ивановичем смотрят сериал, – спокойненько пояснила Инга.

Стрельцову пришлось оперативно напомнить себе ранее данную установку ничему не удивляться. Подумаешь, свиньи телевизор смотрят! В цирке и обезьяны курят! У него в кармане брюк завибрировал телефон, закрепив вызов мелодией, спасая Игната Дмитриевича от рассуждений о способностях и возможностях братьев наших меньших.

– Извините, – соблюдая этикет он и ответил: – Да!

– Я звоню тебе уже десятый раз! – атаковала Марина в свойственной ей манере. – Почему ты не отвечаешь?!

Стрельцов бросил быстрый взгляд на Ингу, но вставать и выходить из кухни, унося разговор в область тет-а-тета, не стал.

– Здравствуй, Марина, – попытался остудить ее кипение холодностью тона он.

Не-а! Это не канает, когда Марина в праведном негодовании! Только радикально-действенные меры, например отключение телефона, на крайняк скотч на рот или кляп.

– Что у вас там происходит?! Четвертый час, а ты не соизволил позвонить и сам не отвечаешь! У Машки телефон так и выключен! Ты с ней поговорил?!

– Пока нет.

– Что значит нет?! Вы вообще где?!

– Еще в Москве, – и повысил голос до требовательного: – Прекрати кричать!

– Как в Москве?! – проигнорировала его требование Марина. – Пусть она немедленно едет домой!

– Значит, так! Если ты не прекратишь разговаривать со мной в подобном тоне, я больше отвечать на твои звонки не стану! – хладнокровно пугнул бывшую жену Стрельцов.

На этот раз она его услышала и прониклась серьезностью предупреждения.

– Игнат, отправь ее домой! – без прежней истерии и воплей, но с требованием обязательного исполнения произнесла она.

– Марин, успокойся. Мы с ней поговорим, я все решу и позвоню тебе, – пообещал Стрельцов.

Она еще что-то говорила, высказывала претензии. Игнат не стал слушать, отключился, убрал телефон в карман, посмотрел на молчавшую Ингу и попытался что-то объяснить:

– Это Машина мама. Она очень волнуется.

– Правильно, – пожала плечами Инга, усилив свое утверждение жестом. – Это нормально. Стрельцов вздохнул несколько смиренно перед житейской жалобой:

– Мы развелись четыре года назад. Вроде бы тихо-мирно и по обоюдному желанию. А где-то года через два Машку будто подменили, словно в ребенка черт какой вселился, и началось такое подростковое! Только держись! С матерью они живут в состоянии перманентного скандала – крик до потолка, репрессивные меры со стороны Марины, ультимативные выступления от Машки. А я в этом бою без правил совсем в невыгодной роли. Они переругаются, Машка ко мне сбегает жаловаться на мать. Я становлюсь на сторону Марины, ведь она права и в своих требованиях к дочери, и в запретах. Тогда Машка скандалить начинает со мной, а Марина ревнует ее и обвиняет меня, что я дочери во всем потакаю, якобы таким образом зарабатывая больше любви и преданности Машкиной. И ведь ничего не объяснить ни той, ни другой, обе точно не слышат ни слов, ни аргументов, каждая настаивает на своей правоте. Машка бунтует, красится и одевается, как работница панели, зависает с непонятной полукриминальной компанией не то рокеров, не то панк-металлистов, – он махнул безнадежно рукой, будто говорил об измучившей хронической неизлечимой болезни. – Чего только не происходило за эти два года! И из ментовки я ее забирал, и из квартиры какого-то отморозка, пьяную вдрызг, хорошо хоть последней крупницей сознания додумалась мне позвонить! Учится она хорошо, но с учителями в школе постоянные скандалы, разборки. И пирсинг дурацкий сделала, и, разумеется, курить пробовала, и пиво-водку. Одно знаю точно, что никакой наркоты, секса дурного и в криминал не влезла!

– Да ладно вам, Игнат! – двинула встречную примирительную речь Инга. – В пятнадцать лет они все максималисты, экстремисты безбашенные, уверенные, что все знают гораздо лучше любых взрослых. Вы себя разве не помните в том возрасте?

– Да ничего такого у меня не было! – весь в своей нелегкой проблеме, негодовал Стрельцов. – Я с интересом учился, занимался спортом и ходил на курсы при институте углубленного изучения физики-химии. У меня времени на сон и отдых не хватало, родителей видел раз в неделю, в воскресенье, и то пару часов, не больше. Какое там бунтарство подростковое и переходный возраст!

– Значит, вы единичный выходец из рядов! – оппонировала его горячности с усмешкой Инга. – А у меня все по полной программе вселенского «фи» взрослым, уничтожение родительского авторитета, революция малолетних. И на все митинги девяносто первого с пацанами ходила, и в рок-клубы запретные на ночные концерты, и пиво-водочку пробовала! А видели бы вы мой «прикид» и причесочку в мои четырнадцать годков! Куртка кожаная в заклепках, из шортиков коротюсеньких ягодицы торчат, макияж «ночь вампиров», на голове начес в пятнадцать сантиметров, армейские башмаки, и «мы хотим перемен»! Мама «не догоняет», папа

зашоренный коммуняка, бабушка с дедушкой – пережиток отстойный! Правительство – козлы, Ельцин – герой! Привет, Америка! Ужас! – подвела итог описанию она.

– И долго вы этим страдали? – живо поинтересовался Стрельцов, словно допытывался о новом средстве от неизлечимой болезни.

Он четко, как кадры кино, увидел ее в том образе, который Инга столь красочно описала. И улыбнулся про себя, представив – она же маленькая и сбитенькая такая – грудь уверенного размера, попа, бедра наливные, и на тебе – кожа-металл, ягодички из шортиков торчат, начес-косметика! Красота, наверное, была страшная!

– До поступления в институт, – отвечала «страшная красота», не подозревавшая о богатстве воображения мужчины. – Там совсем иные интересы обнаружили. И как-то сам собой отсох этот перебор антагонистский.

– Ну вот, видите, прошло же! И без последствий. Как я понимаю, пить-курить вы не стали и в институт поступили!

– И у нее пройдет, – старательно уверила Инга. – У всех проходит.

– Да что у нее пройдет! – повысил голос обеспокоенный отец, скривясь от досады. – Добунтовалась уже!

– Вы имеете в виду ее беременность? – тихонько так спросила Инга.

– Она вам что, сказала? – поразился Стрельцов.

– Да уж, – усмехнулась Инга. – Это было одно из первых трех сообщений, которые огласила Мария Игнатьевна по прибытии.

Инга занималась ежевечерним ритуалом под названием «Федя, спать!». Традиционно растянувшимся на час приказно-просительным напоминанием сыну отлепиться от компа, умыться и в отбой, его обещаниями «сейчас, уже-уже» и премиленьким «ну, ма-а-ам!».

Дискуссию прервал звонок в дверь. Инга пошла открывать, шлейфом за ней в прихожую потянулись остальные любопытствующие: выскочил Федька из своей комнаты, забыв про доигрывание, Степан Иванович быстренько процокал копытцами, не теряя бдительности, Фенечка прикатила на кресле, жужжа моторчиком.

На пороге обнаружилась внучка Дмитрия Павловича, Маша. За год, с их последней встречи, увеличившаяся в груди на размерчик, подросток, но такая же стройненькая в остальных тельных местах.

– Здравствуйте! – озарила всех улыбкой девочка.

И, переступив порог, быстро и четко отбарбанила сообщения:

– Я сбежала от мамы. Деда нигде нет, поэтому я к вам. И я беременна!

– Ну, не больная, и уже хорошо! – громкая реплика из задних рядов встречающих от Фенечки.

– Ни фиги себе! – заценил обстоятельства Федька.

– Хм-хрю! – очень сильно не одобрил Степан Иванович.

– Давай, Маша, раздевайся и проходи, – распорядилась Инга. – Голодная, наверное?

– Да! – быстренько снимая верхнюю одежду, радовалась чему-то Машка. – Есть хочу ужасно! И чаю горячего! А дед где?

– В Египте твой дед, – сообщила Инга, обняла девчонку за плечи и повела в кухню.

Бригада поддержки следовала за ними в том же направлении.

– С Ангелиной Павловной?

– С ней, – подтвердила догадку Инга. – С молодой женой, а как же!

– А я звоню, звоню, а их нет!

– Ты лучше маме позвони, что с тобой все в порядке, – велела Инга родительским тоном.

– Нет! – уперто отказалась сразу Машка. – Мы с ней поругались!

– И ты решила ее таким образом наказать? Чтобы она там с ума от беспокойства сходила? – не одобрила Инга.

– Нет, но звонить не буду! Утром позвоню!

И так она бровки сдвинула, губки поджала, что сомнений не оставалось – это ее линия фронта, ни шагу назад! Заклин в девичьих разбушевавшихся протестом мозгах.

Инга настаивать не стала и вопросов тематических задавать тоже. Накормила, напоила и спать уложила.

– Да, такой вот подарочек родителям! – раздосадованный донельзя, возмутился Стрельцов. – Я никак осмыслить до конца этого не могу! Как так можно?

– Да легко и с удовольствием! – объяснила «как так» Инга.

– С удовольствием! – повторил он, заведясь бушующим негодованием. – Жизнь себе переломать с удовольствием!

– Ну ничего ж трагичного не случилось, – попыталась успокоить его Инга, чем только усугубила его досаду.

– А беременность в пятнадцать лет – это, по-вашему, не трагично?!

– Нет, не трагично! – повысила в ответ голос Инга. – Она не наркоманка, не алкоголичка, ни криминалом, ни проституцией не занимается, и это не болезнь безысходная, не горе-беда! Да, неожиданно и малоприятно, и огромная проблема для родителей, но не горе же! Моему сыну, как и вашей, пятнадцать. Он хороший мальчишка, но тоже кренделя подростковые выкидывает. С отцом разругался, общаться отказывается, отстаивает свою самость, когда я его, например, в клубешники ночные не пускаю. Пива один раз так «напробовался», что пришлось «Скорую» вызывать. Однако ему изучения этого аспекта жизни показалось мало, и недели через две он с друзьями водку дегустировал, два дня потом лечили народными средствами. И курить пробовал, и спортом не занимается, сидит за компом – не оторвать. Рассекают тут с Фенечкой, прикалываются на пару, меня в тонусе держат. Так что и у меня вполне возможна перспективка, что он сообщит как-нибудь мимоходом, что его подружка залетела. И давайте, родители, делайте теперь что-нибудь! Разгребайте! Вы думаете, что они прямо хотели прехотели эту беременность? Все из разряда: «Ой, мы же не знали, что так получится!» Они ведь еще дети.

Спустив особо горячие пары в ответном возмущении, гораздо спокойнее Инга продолжила нечто, по форме высказывания напоминавшее отповедь царю Гороху. Недоумевая сама, чего она так раздухарилась. Но не удержалась на этой мысли, умничала дальше, делясь своим выстраданным родительским.

– Вы, Игнат, пытаетесь найти логику там, где ее нет: в Машином поведении. А ею сейчас руководит не логика, а чистая физиология, природа. Знаете, Елена Малышева, которая ведет передачу «Здоровье», в одном интервью сказала мудрую вещь: «Раньше, в начале своей карьеры, я была глубоко убеждена, что умные, хорошие дети вырастают, если их правильно воспитывают в семье. Но, проработав долгие годы, поняла, что если у вас замечательные, хорошие дети, то вам просто повезло! Сильно повезло, и ничего более!» И это верно. Я, например, обожала своих дедушку, бабушку, маму с папой, у нас всегда в семье были близкие, доверительные отношения и понимание, а вот переключило девочку в тринадцать лет, и все! Все! Я сама часто не понимала, с чего и куда меня несет и почему мне обязательно необходимо им противостоять, но клинило, и бесполезно что-то было объяснять. У вас замечательная, умная Маша. Думаю, очень скоро вся шняга подростковая у нее пройдет сама собой.

– Это вы меня сейчас воспитывали? – приподняв одну бровь, строго спросил Стрельцов.

– Да нет, своими переживаниями делилась, а то вы ругаться принялись.

– А что бы вы делали в такой ситуации? – выговаривал ей ой как неприязненно Стрельцов. – Поздравили бы и похвалили? Молодец, мол, все попробовала, теперь вот мамой станешь?

На ком-то же ему надо было оторваться, раз Машки рядом не оказалось. Почему не на этой Инге? К тому же она сама спровоцировала своими отповедями, зацепив больное.

– Ну хорошо, – напроочь проигнорировала его воинственность она, – скажете вы ей: Маша, такая ты, разэтакая, родителей опозорила, в подоле принесла, как теперь людям в глаза смотреть, друзьям-приятелям? Так, что ли?

– Да при чем тут друзья-приятели? – негодовал по полной Стрельцов. – Она собственное будущее под откос пустила! А ее здоровье? Рожать в таком возрасте! А школа, институт?!

– И куда они денутся? – безмятежно поинтересовалась мать подростка, очередной раз проигнорировав прочувствованное выступление в форме отчитывания.

– Что? – не понял вопроса Стрельцов, сбившись с тона.

– Школа, институт, – ровно пояснила она. – Что такого уж случилось, что нельзя школу окончить и в институт поступить?

Стрельцов посмотрел на нее как на полоумную, с которой непонятным образом он пытается обсуждать серьезные вещи и проблемы, оказавшиеся, как выяснилось, недоступными ее пониманию.

Выразительно так посмотрел. Однозначно трактуемо. Но спросил-таки:

– Это вы шутите?

– Отнюдь, – уверила Инга. – Она у вас вроде тупостью не страдает и не сирота детдомовская. Папу-маму и дедушек с бабушками имеет. Жить ей есть где, родные посильную помощь окажут: и за малышом присмотрят, и няню наймут, если понадобится. А школу сейчас легко можно окончить экстерном, и в институт девочка поступит. И потом, вы же не знаете, что там за парень, кандидат в папаша. Он вполне может оказаться нормальным мальчишкой с нормальными, адекватными родителями. Неужели вы всем миром не сумеете одного ребенка поднять?

Теперь Стрельцов смотрел на нее как на чудо-юдо с горы, сивку-бурку вещую каурку, неведомо откуда «вставшую перед ним, как лист перед травой»! Ничего себе отповедь!

– Инга... – хрипнул вдруг запершившим горлом. – Можно чаю?

– Да, пожалуйста! – обрадовалась она, поднимаясь из-за стола, и «добила» контрольным в голову: – Вы об этом не задумывались?

– Нет. Я пока о таких глобальных решениях не думал, пытаюсь свыкнуться с самим фактом, осмыслить, что делать, как с ней говорить, – и признался: – Марина категорически настаивает на аборте.

– О-хо-хо, – попечалилась, сочувствуя, Инга. – Это, разумеется, вам троим решать, но девочке в таком возрасте аборт опасен. Очень уж велика вероятность остаться навсегда бесплодной.

У Стрельцова волосы на затылке зашевелились! Да потому что он ни сном ни духом, ни намеком каким не успел ни осмыслить, ни предположить, что надо еще и о таких вещах задумываться, как аборты, возможные последствия для здоровья, когда дитю только пятнадцать лет и вроде бы по всем законам детство ее еще продолжается!

Чайник шумно закипел, отвлекая Стрельцова от мучительных раздумий. Он проследил взглядом, как Инга налила большую чашку чая (настоящего, заваренного по всем правилам в заварном чайнике, а не какого-то неубедительного пакетного), поставила чашку перед Игнатом на стол, присовокупив рядом сахарницу, тарелочку с нарезанным лимоном, вазочку с мелкими сладостями – печеньками, конфетками, – и села на свое место.

– Должен признаться, пока я о дальнейшем возможном развитии событий не думал, – размешивая сахар, поделился Стрельцов и вдруг, посмотрев на Ингу, озарился идеей, которую

поспешил изложить с большим воодушевлением: – Инга, а может, вы с ней поговорите? Ну, так, по-женски. Выясните, какие у нее планы и что она предполагает делать дальше.

– Поговорить, конечно, можно, – выказала сомнения Инга. – Но я как раз отрицательный пример в данной ситуации. Я в семнадцать лет, на первом курсе института, по влюбленности и залету вышла замуж, а в восемнадцать родила Федьку. – Она извинительным жестом развела руками. – Вам лучше это с Фенечкой обсудить. Бабушка наша точно и подробно знает, как растить внучку, когда ее мать вечно занята.

– Ну вот и как раз! – воодушевился Стрельцов. – Обозначите все плюсы и минусы раннего материнства.

– Не спешите расслабляться, – предупредила Инга и лукаво улыбнулась, – дело в том, что в плюсах у меня только замечательный сын. Правда, этот плюс перевешивает все на свете!

– Но институт же вы окончили?

– Да, – подтвердила она, – но только благодаря родным, взявшим на себя бóльшую часть забот о Феде.

– Ну вот! – непонятно что утвердил он.

– А вы-то, Игнат, чего хотели бы? Чтобы она аборт сделала или родила?

Стрельцов промолчал. Чего он хотел? Чтобы все вернулось на прежние места. И пусть Машка выкаблучивается и ругается с ними, и красится, одевается, как ночной кошмар добропорядочности, и музон свой истошный слушает, но... но пусть побудет еще ребенком, девочкой, без взрослой беременности!

– А хотите, я вам сольки на рану, для скорейшего определения в позиции? – прищурившись, ядовито спросила Инга.

– Сольки не хочу, – усмехнулся Стрельцов.

– И все же, – настояла она. – Представьте себе маленького ребеночка, такого пухленького симпатяшку. Тепленького, беспомощного, с малюсенькими пальчиками, который улыбается, агукает и на вас похож. Вы же, между прочим, дед! А это, знаете ли, звание!

– Вы часом не адвокатом дьявола работаете? – буркнул весьма недовольно Стрельцов.

– Не-а! – со всей серьезностью заявила она. – Я больше по ангельской части.

Он собрался было что-то ответить, но их беседу прервали два обстоятельства. В коридоре послышалось тихое жужжание, сопровождаемое дробной копытной поступью, и у Стрельцова зазвонил телефон.

Доставая трубку из кармана брюк, он, вопросительно приподняв бровь, посмотрел на Ингу.

– Маркиза в коробчонке со свиненком, – пояснила та природу приближающихся звуков.

Игнат посмотрел на экран телефона, номер высветился неизвестный. Встал, отошел и отвернулся к окну.

– Да, – ответил начальственно строгим голосом.

– Привет, па! – виновато прошелестела беглая дочь.

– Здравствуй, Мария, – по-прежнему строго отозвался отец. – Что, телефон свой так и не включила?

– Не-а, с Фединога звоню, – покаялась скромницей Машка, – ну ты же знаешь, мама орать начнет.

– А ты считаешь, что у нее для этого нет поводов? – отчитывал Стрельцов.

– Ну па-а-а... – перешла к тактике номер два, нытью, Машка.

– Так! – оборвал заходец отец суровый. – Давай приезжай, поговорим!

– Ты сильно злишься, да? – остороженько прощупывала почву «деточка».

– Сильно. Приезжай! – распорядился Стрельцов.

– Па, мы с Федей в кино собрались, уже и билеты купили. Мы в кино ходим, а? Все равно поругать меня ты успеешь, – уговаривала дочь блудная.

Он подумал о дороге в Питер, аэропорте, аж зубы сцепил – снова аэропорт, самолет! Это, пожалуй, перебор для его нервной системы. Ладно, есть поезда, между прочим, прекрасная возможность спокойно поговорить в дороге.

– Ладно, когда ты будешь? – смиловился папаня.

– Часа через три, может, четыре! – обрадовалась дочурка.

– Хорошо. После кино сразу возвращайся!

Нажал «отбой», повернулся и в последнюю секунду удержал выражение удивления. Бабушка Анфиса Потаповна, оказывается, передвигалась в инвалидном кресле, снабженном движком. Странно, почему отец не упоминал, что она так больна.

– Добрый день, Анфиса Потаповна, – улыбнулся Игнат бабушке Инги с максимальным почтением.

– Здравствуйте, Игнат Дмитриевич, – поприветствовала она, подъехала на своем кресле к нему вплотную и протянула руку.

Что делать с этой рукой, Стрельцов не знал. Пожать? Они вроде не на консилиуме соратников. Поколебавшись, неявно, пару секунд, успев присмотреться к старушке, заценить «тяготение к манерам недобитого дворянства», как обозначила это Инга, – строгое платье с воротничком кружевным, макияж (!) на лице и прическа в стиле тридцатых годов, – наклонился и поцеловал ручку.

Тянуло щелкнуть каблуками, сделать кивок головой и присовокупить нечто типа «к услугам вашим!» или «разрешите представиться», на крайняк – «кушать подано!». Пожалуй, с лобзанием ручки он переборщил!

От неловкости спасла Инга, задав новопривывшим будничным вопросом:

– Обедать будете?

– Хмрю-да! – высказался недовольно Степан Иванович, с явным намеком: «Давно пора!»

– А не я сериалы смотрю до упора! – возразила ему Инга, принимаясь накрывать стол по новой, после их с Игнатом чаепития.

– Хм-хрю! – развернулся к ней задиком кабанчик и дернул хвостиком.

«Вижу я, какие здесь у тебя сериалы!»

Стрельцов поймал себя на том, что переводит все эти «хрю» и телодвижения свиньи на человеческий язык. «Сбрэндил от переживаний, верняк!» И поспешил отвлечься от этой мысли, обратившись к бабушке:

– Анфиса Потаповна, вы уж извините нас с дочерью, что мы так неожиданно заявились к вам со своей проблемой, – интеллигентствовал пардоном он.

– Проблема у вас, разумеется, непростая, но решаемая, – подъехав к своему месту за столом, отозвалась маркиза.

– Я наивно предполагал, что Мария рассказывать всем о своем состоянии не станет, – вздохнул Игнат.

– Девочка правильно сделала, что прямо обо всем сказала, – поддержала Машку Фенечка, – чем больше правды, тем меньше домыслов, сплетен, разговоров.

– М-да! – удручился Стрельцов. – Еще предстоят сплетни-разговоры.

– Да бросьте вы, Игнат, печалиться! – лихо предложила Анфиса Потаповна, с задором эдаким. – В каждой семье свои проблемы. У нас самих в избушке такие погремушки, что чужие фигней кажутся!

Стрельцов уставился на нее несколько потрясенно! Ничего себе маркиза! В дружбе со сленгом, может, она еще и на компе всю рубится?

– Хрю! – весомо поддержал высказывание Степан Иванович.

– И потом, – усмехнулась Анфиса Потаповна, – вы, наверное, забыли, что теперь вы с Ингой сводные брат и сестра. Ваш папенька считается ее отчимом, а Ангелина вашей мачехой. Какие-никакие, а все-таки родственники.

Инга с Игнатом удивленно переглянулись, осмысливая сей факт. Они как-то раньше об этом не задумывались. А ведь действительно, сводные брат и сестра!

Вот чего Стрельцов меньше всего хотел, так это быть ее братом!

Она вызывала в нем со-о-овсем иные, далеко не братские чувства!

«О как! – подивился данному открытию он. – Оказывается, вот таким образом, Игнат Дмитриевич?»

До последнего момента Стрельцов не отдавал себе отчета, насколько Инга его... как бы это сказать?.. торкнула, что ли, взбудоражила! Вчера он ее даже и не рассмотрел толком, не до того было, а первое впечатление в тусклом свете у дверей сложилось туманно-неопределенное. Маленькая, ему макушкой до плеча. Плотненькая, нет, не то чтобы вся плотненькая, в конкретных местах: грудь-попка-бедро – словом, там, где надо, остальное все тоненькое, небольшое, аккуратненькое такое. Темные длинные волосы, челка непокорная и от этого почему-то сексуальная.

А спроси его: какого цвета ее глаза? Тянет ответить: хорошего.

Ну разумеется, как нормальный мужик, он присматривался к ней сегодня повнимательней, но не так чтобы с осознанием конкретной целевой направленности, да и разговор у них происходил напряженный и уж слишком для него непростой.

А поди ж ты! Что-то там узрел, заприметил, будоражащее мужские инстинкты и гормоны, и братом становится ни за что не желает! Природа, мать наша!

Инга наклонилась, расставляя что-то на столе, оказавшись совсем близко от Стрельцова, и он засмотрелся на нее. Оказалось, что у нее очень белая кожа, и забавные, миленькие, еле заметные веснушечки на переносице, и светло-карие глаза со смешинками скачущими, и тонкий маленький носик, и просто умопомрачительные, чуть припухшие губки, и маленькие беззащитные ушки, и запах завораживающий, и...

Стрельцов отвернулся и выругался про себя, скорее от недоуменного потрясения собственной реакцией на нее. Вот именно: «И!» Твою мать!

Он поднялся со своего места. Торопливо, надо признать, поднялся, но не теряя статности вожака стаи.

– Пойду прогуляюсь, – пояснил Стрельцов. – Маша сказала, что они в кино с Федором собрались и только часа через четыре вернутся. Воспользуюсь случаем побродить по Москве.

Достойная, красивая речь суть побег от самого себя, взбудораженного и очень, очень недовольного примитивной реакцией на женщину. А что ему радоваться?! Вот стопудово все эти «и» однозначные и желания не замедлившие ну никуда ему сейчас, никаким боком!

– Конечно, Игнат Дмитриевич, – одобрила данный порыв Фенечка с некоторой потаенной, всепонимающей хитринкой. – Прогулка на свежем воздухе – это очень полезное занятие.

– Спасибо огромное за обед, Инга, – выдержал принятый политес Стрельцов. – Было очень вкусно!

– Да пожалуйста! – удивленная его спешным расшаркиванием, ответила она.

Игнат кивнул уже на ходу и вышел из кухни.

– Он что, сбежал? – недоуменно спросила Инга у бабушки.

– Ретировался, – усмехнулась маркиза, – перспективка быть нашим родственником Игната Дмитриевича, видимо, пуганула.

– Я бы тоже испугалась, – заверила Инга, – отставные дворянки язвят, свиньи высказываются, дочь беременная сбежала с очередным хахалем, а отца окрутила актриса пыльного театра!

– Ну, не все так мрачно, Ингуша! – хохотнула бабушка. – Зато ты у нас светлое и единственно разумное пятно в палитре.

Рубашку Стрельцов себе купил. Подумал – и купил еще одну. Понравилась, и так, на всякий случай. Какой? Туманно.

Дом, в котором жила Инга с семьей – сестра! надо же, сводная! – находился в центре исторической части Москвы. Вернее, в той части, которая еще чудом сохранилась от исторической, стремительно превращаясь в современную.

Стрельцов с удовольствием, не спеша, прошелся, заглянул в пару бутиков, где и подобрал себе рубашки, посидел в кафе, выпив хорошего кофе с каким-то навороченным сверх меры десертом. Добрел до следующего кафе, в которое зашел скорее с целью отогреться от пробравшего морозца, чем по гастрономической надобности.

Неспешность прогулки, без конкретного направления и цели, успокаивала, помогая немного разобраться в сумбуре мыслей-ощущений.

Москву Игнат любил.

Такой определенной любовью отстраненного, не проживающего в ней человека, наезжающего иногда, с удовольствием гуляющего по ее улицам, проникаясь характером столицы, темпом, энергией.

Вся его сыновья любовь безраздельно и навсегда была отдана Питеру с его проспектами, островами, каналами, запахами, вечной промозглостью. С неповторимой харизмой, присущей только ему, так совпадавшей с вечным поиском русской интеллигенцией туманного, неясного смысла жизни, истины, обязательно с легкой тоской от невозможности их познания.

Он был в Венеции и Амстердаме, на сходство с коими Питера так часто указывали, и в различных маленьких городишках Голландии и Северной Европы, но ни в одном из них не находил той особой, неповторимой атмосферы своего родного города.

Нечто неуловимое, размытое, не объяснимое никакой логикой, но навсегда привязывающее к себе единожды вдохнувшего и прочувствовавшего эту мистическую, призрачную сущность.

А Москва, с ее хитрым купеческо-боярским прищуром, торгово-разбитной удалью, подражанием инородности, перекачиванием жирных денежек и азартом завоевания, словно бодрила, поторапливала – давай, давай, не тормози, смотри, дела какие вокруг творятся, шумихи карнавальные происходят! Это здорово, залихватски, с румянцем от морозца и собственной бесшабашности, с удалью покорителей столицы. Москва и заражает, и завораживает, и иногда чуть приоткрывается, поверяя свои непростые тайны.

Тоже магия, но иная. Стрельцову нравилось, он словно чувствовал ее ритм, настраиваясь своей пульсацией крови. Он всегда с удовольствием сюда приезжал, как человек приезжает к добрым друзьям в гости, но уже через несколько дней рвется, стремится назад, в теплое нутро родного дома.

Здесь жил отец.

Мама умерла чуть больше десяти лет назад. Во сне. Заснула и не проснулась.

В пятьдесят три года. Она ничем не болела и на сердце не жаловалась. Пришла с работы, приготовила ужин, они с отцом поели, какой-то фильм посмотрели, она сказала, что чувствует себя уставшей. Отец уговорил ее лечь отдыхать, помыл посуду, почитал еще перед сном, лег с ней рядом в кровать, она спала, спокойно дышала и чему-то улыбалась во сне.

Так и умерла с улыбкой.

Для тридцатилетнего Игната это было ударом! Подлым, исподтишка!

Он никак не мог осознать, принять разумом, что его здоровая, молодая, красивая, энергичная, всегда улыбающаяся мама умерла!

Да как же это?! Так не бывает! Как у молодой, ничем не болевшей женщины может остановиться сердце?!

И с этим протестом, непониманием, болью и голостью сиротской, вокзальной, с обнаженным тылом ему приходилось справляться одному.

Отец словно умер вместе с ней! Игнат-то и в себя пришел, когда увидел и осознал, что отец погрузился полностью в безысходное горе. Постарел сразу, поседел, работать не мог. Это мужик-то в пятьдесят пять лет! И Игнат выволок себя из обвинений жизни и непониманий-протестов и отца из его безысходности и тайного желания уйти следом за женой.

Стрельцов взял отпуск и повез отца в Европу. Они очень сблизились тогда, гораздо глубже и сильнее, чем за всю жизнь. Гуляли, разговаривали, вспоминали маму, детство Игната, их счастливое семейство. И о работе Стрельцова говорили, о его вечном отсутствии в семье – много о чем.

И отец понемногу начал выкарабкиваться из своего глухого отчаяния. Уже в конце поездки они посетили один высокогорный храм. Отец о чем-то говорил со священником, постоял у лика святой, про которую утверждали, что она исцеляет, и словно просветлел, отпустил горе.

Вернулись домой в обыденные дела-заботы, работу и каждодневность, Стрельцов старался как можно чаще видеться и проводить время с отцом, но получалось это редко. При его работе он и дома-то бывал в лучшем случае месяца два в году. Поэтому таким неожиданным стало для него отцовское решение, года через полтора после смерти мамы.

– Я, Игнат, в Москву переезжаю, – сообщил отец, как ударил.

– Как в Москву? – потрясенный новостью, спросил Игнат.

– погоди, прежде чем отговаривать, послушай, – принялся разяснять свое решение отец. – Мне предложили должность в министерстве, я согласился. Мне трудно в Питере, здесь все напоминает об Анечке, каждая улица, переулок, дом, каналы – все! К тому же, если ты не забыл, я коренной москвич и сюда перебрался, когда женился на твоей маме. Должность мне предлагают хорошую, ответственную, квартиру свою я поменяю на московскую, у меня в столице друзей много, ты же знаешь.

– А как же мы здесь без тебя? – привел нелепый аргумент Игнат.

– Да как и раньше, будем друг к другу в гости ездить, вы ко мне, я к вам, чай, не на Колыму уезжаю.

– Это точно, – кивнул Игнат и предпринял следующую попытку отговорить: – Как же ты там один жить будешь? А если что случится? Или заболеешь? И бытовуха неустроенная?

– Да ну, сын, что со мной случится? – похлопал его по руке успокаивающе отец. – Я здоровый мужик, на мне пахать можно! Обустроюсь, найму домработницу, да и не так уж я от вас далеко, мы вон в одном городе живем, а видимся раз в месяц с невесткой и внучкой, а с тобой так вообще раз в полгода, когда ты дома бываешь.

Он все уже решил, и Игнат не стал его отговаривать. Отпустил.

И отцу на самом деле в Москве стало как-то полегче. Он взбодрился, помолодел, просветлел лицом и духом. Наверняка были у него и романы с женщинами, но про это Игнат мог лишь догадываться – сам не спрашивал, а отец не рассказывал. В их приезды с Мариной и Машкой в Москву следов присутствия женщин в жизни отца не наблюдалось. Неизвестно, чем он руководствовался: то ли Игната травмировать не хотел, то ли были иные причины, но факт наличествует – не демонстрировал Дмитрий Николаевич сыну и его семье свою личную жизнь.

Именно поэтому известие о женитьбе Стрельцова-старшего оказалось гейзером, взорвавшимся в спокойном водоеме с кувшинками.

Как это женится?!

Зачем? Восемь лет жил вдовцом-гусаром, никаких матримониальностей не допускал, а тут – получите! Может, и хорошо, что известие об отцовской свадьбе вместе с приглашением застало Стрельцова в Германии, а то бы рванул, мог, не разобравшись, и наговорить лишнего, кто знает.

Он подумал-подумал, а чего, собственно, негодовать? С какого переполоху? Счастлив отец, да и слава богу! Радоваться надо, что не одиноким стариком жить будет, а молодоженом! Игнат и порадовался.

Марина, правда, причитать по телефону принялась, возмущаясь:

– Игнат, он совсем с ума сошел! Квартира в Москве Машке отписана, а сейчас эта его неизвестно что за баба ее себе оттяпает!

– Послушай меня внимательно! – жестко остановил Марину Игнат. – Если ты попробуешь хотя бы намекнуть отцу на это, я тебе такую жизнь устрою! Со своей квартирой он может делать все, что ему заблагорассудится! Отец молодой и здоровый мужик, и то, что он семьей обзавелся, замечательно! И тебя ни в коей мере не касается, что и как он делает!

Она бросила трубку, но неприкрытой угрозе Стрельцова вняла и домыслы свои при себе держала, даже Машку на свадьбу к деду отпустила.

Через месяц Стрельцов прилетел в Москву по делам и задержался на пару дней, с отцом встретиться и с его женой познакомиться.

Когда он их увидел вместе, то понял – все! Отец попал в десятку! Эта женщина именно то, что ему нужно!

Ангелина Павловна со странной фамилией Исла, которую не стала менять в браке, оказалась миниатюрной, весьма интересной женщиной из той породы, которые не стареют никогда.

Энергичная, эмоциональная сверх меры, немного эксцентричная, такая вечная девочка, которой необходимы опека, защита, постоянное напоминание о ее таланте. Актриса вторых ролей – правда, в известном и модном театре.

Отцу требовалась именно такая! Он вдруг скинул несколько лет с плеч, став ее рыцарем, защитником, мудрым, принимающим все ее недостатки и многослойность характера любящим мужем. А она его обожала! И это было видно всем, к тому же Ангелина Павловна вовсе не собиралась скрывать своих чувств.

Игнат это оценил и успокоился за отца.

Правда, находиться долго в обществе Ангелины Павловны он не мог – слишком ее было много. Но, пообщавшись с ней несколько раз, Игнат вдруг понял, что это просто привычное ей житейское амплуа, на самом деле там и характер закаленный, как сталь, и стержень и мудрость еще те! Ой-ой-ой!

Но в роли, в роли, жизнь – вечная сцена! А отцу нравилось, он все посмеивался над ее непрекращающейся игрой. Ну и дай бог им счастья!

Стрельцов посмотрел на часы. Однако загулялся, за размышлениями не заметив времени. Ладно, пора возвращаться, с Марией Игнатьевной воспитательно-наставительные беседы вести.

Как и о чем? А хрен знает, как и о чем говорить любящему отцу со своей малолетней дочерью, оказавшейся беременной!

Стрельцов зашел в супермаркет, купил сладостей к чаю, деликатесов каких-то, фруктов-овощей, бутылку вина, а то совсем уж некрасиво – свалились людям на голову, они их кормят-поят, да еще и примирить стараются. Потом тормознул возле цветочного магазина с сомнением и решил – нет, не тот повод, все-таки не гостевой визит.

И, уже отойдя, ругнул себя: а что, всенепременно нужен какой-то особый повод, чтобы преподнести женщине цветы? Тем более так радушно принявшей и искренне сопереживающей твоим проблемам.

Вернулся. Взял два букета.

Он свернул за угол дома и увидел впереди, метрах в десяти, Машку с парнем, идущих к подъезду. Стрельцов прибавил шаг и позвал:

– Маш!

Она резко развернулась, личико озарилось радостной улыбкой, дочь, как в детстве, заорала на всю округу:

– Папочка! – и рванула к нему.

Стрельцов открыл ей объятия, Машка подлетела, чуть не сбив с ног, с разгона обхватила за талию, уткнулась носом ему в грудь.

– Папочка, – прошептала еще разок.

Слезы навернулись на глаза у сурового господина Стрельцова, он хотел обнять, прижать дочь, но руки были заняты пакетами и цветами.

– Давайте я возьму, – предложил помощь подошедший к ним парнишка, – я Федор.

Стрельцов кивнул, не мог говорить, горло перехватило, отдал парню поклажу, прижал наконец дочь к себе покрепче, поцеловал в макушку, прикрытую шапочкой, и постоял так, приходя в себя и плаваясь в щемящей нежности к своему ребенку.

– Ну что, принцесска, наделала дел? – спросил чуть погодя совсем не строго.

Она закивала активно головой, оторвавшись на пару секунд от него, и снова уткнулась в отцовскую грудь.

– Федь, – попросил Стрельцов, – ты отнеси это все домой. Предупреди, что мы с Машей позже подойдем.

– О'кей! – отозвался парнишка и подбодрил Машку. – Держись, подруга!

Игнат за подбородок приподнял Машкино личико и заглянул ей в глаза.

– Идем, посидим где-нибудь поблизости. Побеседуем.

– Пойдем, – тяжело вздохнула дочь.

Они устроились в ближайшем к дому кафе. И пока выбирали столик, снимали верхнюю одежду, усаживались и делали заказ официанту, Стрельцов, скрипя мозгом, все думал – как с ней говорить? Как? Говорить? С дочерью? В такой ситуации?

Назидательно-поучительно? Не проканает, вот сто пудов! На такой тон Машка просто не откликнется, да и поздно уже назидать что-либо!

– Ну, рассказывай! – призвал отец не самым благостным тоном.

– Па, да что рассказывать? – каялась интонацией и мимикой Машка.

– Начни с того, кто у нас участник твоей беременности, – последним словом Стрельцов чуть не подавился, но тон выдержал.

– Мишка Старобогатов из одиннадцатого класса, – давала показания дочь.

– То есть ему семнадцать лет?

– Еще нет, через месяц исполнится.

О боже, боже! Детский сад в песочнице! Пестики-тычинки изучает!

– И что? – продолжил допрос Стрельцов. – У вас такая большая любовь случилась? Тогда почему ты мне о нем раньше не рассказывала?

– Ну, не знаю, может, и любовь, – терзала откровениями отцовское сердце дочь. – Он классный, прикольный, с ним весело. Он хоккеем занимается, меня знаешь как кататься научил! Каждые выходные на каток таскает.

Подростковые откровения о «глубине» чувств прервал официант, принесший их заказ – Игнату коньяк и кофе, Машке чай и бутерброд.

Откинувшись на спинку стула, Стрельцов воспользовался паузой, пока официант выставил на стол принесенное, охолонул, чтобы не сорваться. «Он классный, прикольный!»

Нет, ну твою ж дивизию! На каток он ее таскает! А с катка в кровать!

Надо успокоиться!

– По-твоему, это вполне достаточные причины, чтобы с ним переспать? – раздраженным медведем начинал грохотать Стрельцов, не справившись с кипящим лавой обжигающей негодованием.

– Ну па-а-а! – проняла Машка и атаковала по привычке: – Можно подумать, ты с женщинами спишь исключительно по любви!

– Маша, прекрати! – рявкнул Стрельцов. – Мы сейчас обсуждаем твою жизнь, а не мою!

– Да что такого-то! – возмутилась дочь. – У нас в классе все девчонки давно сексом занимаются, одна я такая, последняя девственница России!

– Теперь ты у нас первая из всех занимающихся с животом! – разбушевался не на шутку Стрельцов, так его проняло.

– Ну па! – забыв про выступления, заспешила мириться Машка, труханув. – Да это было всего два раза!

– Зато как удачно! – заметил Игнат, немного подостыв. – А про контрацепцию с мальчиком Мишей вы ничего не слышали?

– Порвалась она, – тяжело-покаянно вздохнула Машка, – эта контрацепция.

О господи! Дай силы! Стрельцов только представил, что, как и при каких обстоятельствах у них там порвалось, как мозг затопило пеной гневной.

Твою мать!

– Ты ему сказала о беременности? – прикладывая усилия, чтобы утихомирить, притушить ретивое гневливое, спросил Стрельцов.

– Уведомила, – не поднимая на отца очи, ответствовала скромницей Машка. – Он сказал, ничего не предпринимай, пока мы все не обсудим и не решим.

– Да что вы там можете обсуждать и решать?! – сдерживая крик, новой волной взвился Стрельцов. – Решат они!

– Па, да он нормальный пацан, не придурок, и родаки у него классные!

– И что? Это твоим родителям предстоит разгрести проблему, а его так, с боку-припеку, пожурят, и все дела! – растолковывал имеющуюся диспозицию отец. – Вопрос стоит о твоём здоровье и будущем, а никак не о его!

– А давайте я сама буду решать, что мне делать! – врубилась с пол-оборота самость чрезмерную Машка. – Это моя жизнь, я уже выросла, если вы не заметили, и сама решу, как мне жить!

А Стрельцов вдруг неожиданно вмиг успокоился. Совершенно непонятным образом, раз – и штиль душевный! То ли от того, что Машка прибегла к любимым выражениям про свободу-взрослость, то ли от ее тона: «укушу себя за пятку, а докажу вам!», то ли от осознания, что она все еще дитя неразумное.

– Хорошо, – хладнокровно согласился Стрельцов. – Давай сама. Расскажи мне, каким ты видишь свое ближайшее будущее. Ты же что-то думала на эту тему?

– Рожу ребенка, окончу школу, поступлю в институт, – воробьем нахохлившимся и уверенным в своей правоте перечислила Машка.

– Очень хорошо! – похвалил отец. – Я бы сказал: замечательно, планы серьезные. А теперь растолкуй мне, где ты будешь жить с ребенком, на какие средства, кто тебе станет помогать с малышом? Вот потребуется экзамены в институте сдавать, ты с ребенком на руках пойдешь? Или оставишь его с кем-то? А на работу ты тоже с ним отправишься? Работать-то придется, чтобы себя и ребенка поить-кормить, памперсы покупать.

– А у меня есть родители, которые по закону обязаны меня содержать до восемнадцати лет! – с непримиримым утверждающим лицом заявила юная правоведка.

– Вот именно! – согласился бодро Стрельцов и разъяснил дитю статью закона: – Тебя! Родители обязаны одевать-обувать, кормить, учить. А как же! Но они не должны выкупать тебя из околота, оплачивать твои прихоти: пиво-вино-сигареты, билеты на запрещенные концерты, клубы, тусовки и мальчиков, занятия сексом и их последствия. И уж тем более в их обязанности не входит содержание твоих детей.

– Я это ненавижу! – проорала Машка так, что пооборачивались на крик посетители кафе. – Ненавижу, когда вы с матерью начинаете попрекать меня содержанием! Тогда не рожали бы! – и уже подскочила, чтобы встать и уйти.

– Вот именно это и скажет тебе твой ребенок, – ухватив дочь за руку, принудил ее снова сесть Стрельцов. – Он скажет, что ненавидит тебя, когда ты напомнишь ему, что из-за него загубила свою жизнь, работала на износ, чтобы его прокормить, из-за него не поступила в институт, из-за него постарела раньше времени от жизни тяжелой и не смогла выйти замуж. Он скажет тебе, что ненавидит тебя и лучше бы ты его не рожала. Но ты забудешь упомянуть о том, что перед его рождением разругалась с родителями, чтобы доказать им свою самость и чувствовать себя героически правой. Ты ни за что не расскажешь ему, что угробила свою и его жизнь, отвергнув их любовь и помощь и их самих, предпочтя носиться со своей принципиальной подростковой «серьезной» позицией: «назло всем!» или «удавлюся, но не покорюся!». Так будет, Маш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.